

I. Автобиография фронтовика:

"Я, Фентисов Михаил Яковлевич, родился 15 сентября 1923 года в селе Сиалеевская Пятина Инсарского района Республики Мордовия. По национальности русский, член КПСС. До войны окончил (1938 г) «Сиалеевско-Пятинскую семилетнюю школу». В 1942 г. сельскохозяйственный техникум в г. Инсаре. О начале войны узнал 22 июня 1941г. из речи Молотова по радио в г. Инсаре.

23 июня 1941 г. вместе с друзьями, я пришёл в военный пункт, чтобы добровольцем отправиться на защиту родины. Однако нас не приняли, пообещав, что вызовут по первой надобности. Этот день наступил 8 марта 1942 года. Тогда команда из 20 человек была послана на пополнение 201-й ВДБ (Воздушно-десантной бригады). Из Инсарского военкомата команду направили в г. Раменский, где бойцам следовало пройти полную медицинскую комиссию. Из 20 человек в ВДБ прошли только трое: я и двое моих друзей из Сиалеевской Пятины. Это примечательное совпадение можно объяснить тем, что в нашей сельской школе были отлично поставлены занятия по физкультуре.

В виду тяжело сложившейся обстановки, нашу дивизию отправили в Ленинградскую область для освобождения г. Старая Русса. После этого, будучи в составе 201 бригады ВДВ во время

прохождения учебной подготовки, я получил специальность миномётчика 88 (88-мм). Начинал службу рядовым. Командиры часто менялись, поэтому имена не запомнились.

Мой боевой путь проходил через г. Раменский (март 1942), г. Старая Русса (весна 1942), г. Москва (1942), г. Черкассы (декабрь 1943), район Звенигорода, г. Шпола (февраль 1944), район Корсунь-Шевченковский (февраль 1944), г. Бельцы (март 1944), г. Кишинёв (август 1944), г. Сексард, Капошвар, Пакиш, Боньхад и Домбовар (2 декабря 1944), г. Секешфехервар и Бичке (24 декабря 1944), г. Будапешт (13 февраля 1945), г. Шопрон (апрель 1945), г. Вена (13 апреля 1945), г. Корнейсбург и Флоридсдорф (15 апреля 1945).

Освобождал: г. Старая Русса (весна 1942), г. Черкассы (14 декабря 1943), г. Шпола. (3 февраля 1944), г. Бельцы (26 марта 1944), г. Кишинёв (24 августа 1944), г. Будапешт (13 февраля 1945), г. Шопрон (1 апреля 1945). В составе третьего украинского фронта 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, отделения контрразведки, под командованием Д. Дрычкина, находившегося в воинском звании генерал-майор; на воинской должности командир дивизии. Под командованием вышестоящего командира, маршала Ф.И. Толбухина.

Военные боевые действия закончил в городе Вена в мае 1945 г. На воинской должности - командир отделения, в звании старшина. Ранений не было.

Один раз лежал в госпитале, так как заболел тифом. В Молдавии, после взятия города Бельцы; вернулся в прежнее войсковое соединение – 7-й гвардейскую воздушно-десантную Черкасскую Краснознаменную ордена Богдана Хмельницкого дивизию

Демобилизовался из г. Вены по приказу Сталина "О демобилизации учителей и агрономов из Красной армии для восстановления народного хозяйства" от 25 сентября. Из-за проблем с документами, из Вены выехал только в декабре 1945 г.

Возвращался с войны через: 1. Вена (декабрь 1945). 2. г. Черкассы (3 декабря 1945), Украина (декабрь 1945), 3. г. Москва (декабрь 1945), 4. г. Зубово, Украина (31 декабря 1945), 5. п. Кадошкино (январь 1946).

Награждён:

1. медалью "За отвагу". Номер - 1980713

2. медалью "За боевые заслуги" - 1020647

Положение о медали "За отвагу" и положение о медали "За боевые заслуги" утверждены Указами Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года. От 15.05.91 г. исп. Милова.

Из родственников в войне никто не погиб.

Остались живы: отец: Яков Андреевич. В боевых действиях не участвовал, проходил службу на трудовом фронте в Сиалеевской Пятине, ветеран труда.

Брат Иван Яковлевич. Проходил службу в Тихоокеанском флоте, в г. Владивостоке; с войны вернулся в 1949 г. в воинском звании мичман.

Мать, Татьяна Ивановна, в военных действиях не участвовала, работала в колхозе.

Младший брат, Илья Яковлевич, инвалид, по состоянию здоровья в боевых действиях не участвовал, работал медбратом в с. Сиалеевской Пятине.

Собственные публикации: в первое десятилетие после войны написал несколько заметок, связанных со своей послевоенной профессиональной деятельностью, т.е. по агрономии в республиканской газете "Советская Мордовия".

Неопубликованные произведения ветерана: труды по агрономии.

Другие публикации: районная газета "Инсарский вестник" от 13 февраля 2009г., статья "Учитесь у ветеранов!"

II. Воспоминания о войне.

С лёгкой руки Фортуны...

Я, Фентисов Михаил Яковлевич, родился 15 сентября 1923 года в селе Инсарского района Сиалеевская Пятина. Закончил семь

классов и, как большинство мальчишек, которые так или иначе знали толк в учёбе, пошёл учиться в сельскохозяйственный техникум райцентра. Я учился на втором курсе, когда новость о войне взбудоражила головы населения. Невероятная волна патриотизма пронеслась среди людей, особенно же среди молодёжи. Я и двое моих друзей из нашей школы пошли добровольцами в военкомат. Но там посчитали, что трое восемнадцатилетних мальчишек окажутся лишними среди остальных уже призванных на войну мужчин. Пообещали, что вызовут по первой надобности. Такая необходимость назрела уже к весне 1942 г. 8 марта нас, меня и двух друзей, отправили в г. Раменский проходить полную медицинскую комиссию, из которой станет ясно, кто попадет, пожалуй, в самые элитные войска Красной армии - десантуру. Из двадцати призванных человек в ВДВ прошли только трое - мы, сиплятинские, мальчишки с одной улицы!..

Так, с легкой руки фортуны, начались мои боевые будни. Не окончив, как следует, учебку нас направили на пополнение 201 бригады ВДВ в г. Старая Русса под Ленинград, на подкрепление. Отбив напор врага, продолжили обучаться уже там, по совместительству с боевыми выступлениями, подкрепляя теорию практикой. До сих пор хочется назвать те дни самой эффективной школой жизни, когда ты не имеешь права на

ошибку, а если на то шло - за этим следовала самая жестокая плата - своя жизнь. Здесь я впервые по-настоящему понял, насколько важно соблюдать жёсткую дисциплину и максимальную внимательность к происходящему, личную заинтересованность и трезвость. Тому есть прямые доказательства.

Я лечу!..

В нашем мужском батальоне, вопреки громкому эпитету, было несколько девушек. Да-да!.. В десантуру тоже берут девушек!.. Мужественных, физически сильных (насколько сильными могут быть 18-летние девушки!), морально устойчивых и, как не скрывать, страшно молодых девочек. Во время прохождения учения в Старой Руссе, две такие девушки отрабатывали прыжки с парашютом с воздушного шара. Не то от восторга впервые подчиняющейся высоты, не то от блуждающего ветра в мыслях, они настолько увлеклись полётом, что забыли о том, что через несколько секунд необходимо приземляться, иначе случится то..., что случилось. Боевые товарищи бережно собрали разбитое вдребезги тело Раечки, которая, всё смеясь и переглядываясь взглядами с подружкой, так и осталась лететь в том жутком и теплом весеннем воздухе...

82-мм

Здесь же, на учебной базе в Раменском, я получил дополнительную специальность - миномётчик 82-мм. Так, на протяжении всей войны и бегал с 30-килограммовым стволом, в то время как большинство однополчан справлялись оружием куда легче, чем моё. Мы относились к отделению контрразведки, поэтому соответствующие задания приходилось выполнять довольно часто. Однажды, когда мы возвращались с боевого задания, на нас свалился снаряд. Взрыв. Тогда мне страшно повезло, осколком с меня стащило и разорвало пополам пилотку, а вот другу от судьбы досталось куда серьёзнее. Его спина полностью была усыпана, изранена мелкими осколками снаряда, вперемешку с дорожной пылью и землёй. Но самое страшное то, что ему полностью отрубило нижнюю челюсть. До сих пор в глазах, как он в болевом шоке сам оторвал, ещё висевшие на коже остатки раздробленной части лица. Мы посадили его на носилки и отнесли до санчасти. Оттуда его увезли в госпиталь, в Москву. Он сам был москвич, попросился поближе к дому. Там ему сделали сложную операцию. Через шесть месяцев он прислал письмо, в котором написал: "Миша, сегодня я первый раз покушал самостоятельно". Мы долго с ним переписывались и после войны. Однажды я заезжал к нему в гости проездом. А сейчас он уже умер.

Будапешт. Освобождение или разгром?..

Помнится такой момент, связанный с взятием Будапешта. Город был полностью разбит. Как Берлин, как множество других больших городов.... Если Вену был приказ сохранить, так мы не разбили ни одного дома. А вот с Будапештом, по-другому... Командир дал распоряжение быть осторожными, привести всё необходимое в полный порядок, потому что наш взвод расположился на нижнем этаже одного здания с немцами. Воду у нас перекрыли, я стоял на посту. Ночью нужно было охранять взвод. Вижу - по рукаву спускается немец. Я его на пушку: щёлк! И, как говорится, ваша карта бита! Всё, хватит. Тут немного погодя ещё один, я его опять убил, тут - ещё. Так за ночь я уложил трёх фашистов. Город был окружён Красной армией, поэтому бояться нам было нечего. Гитлеровские войска сбрасывали с самолётов продовольствие для своих солдат, но так как "кольцо" окружения становилось всё уже и уже, то часто мешки с мукой и пайками падали прямо нам в руки. А немцы постепенно начали пухнуть от голода и умирать.

Не все немцы - фашисты.

...Иногда на войне попадались немцы, среди которых были коммунисты и люди, из рабочего слоя населения Германии, разделяющие русскую точку зрения, власть. Этих людей мы, конечно, за врагов не считали. В сознание было твёрдо вбито, что Красная армия воюет с фашизмом, с порабоощающей политикой Гитлера, а не с Германией и её народом...

Зверство, не поддающееся логике...

...В одном городе, в Украине... немцы собрали весь город на один мост и взорвали... со всем населением. Кровяная река текла. Это было жуткое зрелище, неподдающееся ни человеческой логике, ни здравому смыслу...

...а следующее зверство обнаружили в лесу. Они поставили ёлку, собрали с деревень молодых матерей с грудными детьми. Отняли детей, крючком за ребро и на ёлку... и под этот визг танцевали. Вы понимаете, до какого зверства доходили!.. Это ведь зверьё!.. Это уже не люди!.. Вы понимаете?! (по данным газеты «Красная звезда»)

Счастливы́й случай...

Ехали мы втроем на паровой повозке, везли мины от миномёта. Повозка была нагружена сильно, мины ведь тяжёлые. И когда стали переезжать через небольшую речку, я предложил товарищам: "Дело к вечеру, давайте сейчас пару гранат в речку бросим, рыбка свежая всплывёт, мы соберём, ей и поужинаем". На что они ответили: "Да ну, уже спать хочется, не до рыбы. Поедим консервы, там паёк ещё остался!.." Не стали со мной. Ну, как хотите! Я взял две гранаты и пошёл спускаться к речке. А они хотели немного отъехать ещё, подняться на небольшую горку. И только я начал спускаться, как.... Бух!.. Взрыв. Я повернулся и увидел, что прямо с этой небольшой горки катится человеческая голова... голова боевого товарища.. почти что брата. Они оба тогда умерли. Оказалось, что они наехали повозкой на противотанковую мину, а противотанковые мины отличаются своей разрушительностью. Наехали и всё разлетелось к чёртовой матери!.. И повозка, и сами.... А я ни в чем не виноват!.. Я побежал в часть, а командир: "Как так могло случиться: они погибли, а ты - нет?" Стал кричать. Ну, а что толку в его криках?! Ведь никого не вернёшь!.. А я не виноват, ни в чём... Они ведь сами не пошли со мной рыбу ловить,... а мне как всегда просто повезло. Мне и самому удивительно: за всю войну я ни разу не был даже ранен!.. Почему?! Я ведь не верю в Бога. Никогда не молился. Старался всегда рассчитывать на себя. Был готов к смерти, видел

как это просто, умереть в бою, нечестном и неравном, умереть за Родину. А вот моя жена говорит, что это всё тётушки, вымаливали у Бога мне сохранность. Они ещё до войны посвятили себя церкви. А я - не верю. Я ведь коммунист. И всегда этим гордился. Но, кто знает, когда один за другим гибнут твои боевые друзья, а ты цел и невредим, чувство вины, как у Твардовского ("Я знаю, никакой моей вины...") все же присутствует.

Домой... проездом...

...Уже в конце в войны меня послали в командировку в город Читту. В то время мы были уже Вене. Нас послали вдвоём с товарищем. Он сам из Смоленска, поэтому мы проездом заехали к нему навестить мать. Отца на тот момент немцы уже сожгли в сарае. А мать осталась. Приехали к ним, ночевали ночь, а наутро поехали дальше. Тут у меня назрела мысль: "Что ж... к твоим родителям заехали - нужно теперь и к моим! Как же?! Я ведь их всю войну не видел". Тем более что проезжать мимо дома, не заглянув, всегда сложно, а после долгой разлуки - чего и говорить... Из Смоленска в Москву, из Москвы в Кадошкино (Мордовия), а из Кадошкино уже в Сиалеевскую Пятину. Приехали. А был тогда апрель... Стучусь. Открывает мать. Я ей говорю:
- Ну, мама, открывай!.."

- Кто?

- Михаил!..

- Михаил за границей служит. Уходите! - понятно, что люди были сильно напуганы. В то время бродяги если не разбоем, то обманом проникали в дом, грабили, убивали женщин. Мать закрыла дверь. Но я стучу снова. На этот раз вышла сноха Катерина. Я объяснил ей ситуацию, но мать всё равно не разрешила открыть дверь. Я не успокаивался. Как же так?! Стою у двери родного дома и не войду? Не докажу, что я сын своей матери? Я обошёл дом и подошёл к окну. Там сидела сестра Настя, младше меня на три года. Я ей говорю:

- Насть, это я, Михаил, видишь?..

- Вижу.

- Я докажу, Насть.... Помнишь, как ты падала в колодец?.. Я тебя вытащил, и мы больше никому не сказали? Даже мамке... - она тогда черпала воду из колодца, но ведро перетянуло, и она свалилась прямо туда, в колодец.

- Мамка!.. это же Миша!.. - и побежала открывать. Открыла. Мы зашли. Вывернули лампочку, чтоб никто с улицы нас не увидел. Они, наверное, все трое сидели на печке. Увидели, попрыгали все оттуда!..

Удивительно, что такая встреча смогла осуществиться во время войны.

Патриотизм.... Это о русских!

Все мы тогда были ещё зелёными. Зелёными и жуткими патриотами. Сразу же на второй день после объявления войны, мы пошли в военкомат. Нас, правда, не взяли. Малы ещё были. Весь советский народ глубоко верил в победу. И пусть сейчас начали говорить, что если бы немцы не чудили зверства, то мы бы так и проиграли им ту войну. Нет. Русский народ никогда не мог быть побеждённым. Нам тогда так казалось. И с этой верой люди шли на фронт. И эта вера нам помогла. Хоть мы и были сначала слабее в вооружении, но никто и мысли не допускал, что Россия проиграет. Патриотизм - чувство, свойственное русскому народу. В этом я чётко убеждён и сейчас. Недаром, я недавно вспомнил одну песню, но никак её не восстанавливаю полностью

" Я люблю тебя, Россия!.." - очень глубокая песня. Наша победа - это не случайная победа. Мы выиграли, потому что мы были сильнее, даже тем, что были правы.

Прорубь.

Во время войны я ни разу не был ранен. Но был случай, когда смерть, кажется, имела на меня серьёзные виды. У меня было

боевое задание, я должен был проследить за немецким батальоном. Это было зимой 1943-1944 гг., морозы уже были сильные, да и снега было много. Когда я возвращался к своим, понял, что обратную дорогу замело снегом, и я сбился с пути. Набрёл на замёрзшую речку. Пошёл по ней, чтобы срезать. А за несколько часов до меня, видимо, здесь упал снаряд и разбил лёд, получилась так называемая прорубь. А снежок замёл его так, что разглядеть было трудно. Вот я и не заметил, провалился прямо под лёд. Надежд на то, что я выживу, оставалось всё меньше, ведь я был обмундирован в зимний вариант солдатской одежды. Но каким-то образом мне, все же, повезло. Но на этом ещё закончилось. Рация уже не работала. Я замёрзший, на грани обморожения танцевал лезгинку (сразу научился!) и пел патриотические песни на морозе тридцать градусов. Сначала меня увидели проезжающие солдаты из соседней части, но они так и проехали мимо, а я оставался замерзать, ведь вся моя одежда стала напоминать железную трубу. Но, благо, они по рации сообщили в мою часть, и те, торопясь, забрали меня. В части меня, конечно, отогрели, но, как оказалось позже, все мои суставы были обморожены. Это – пожалуй, самое сильное воспоминание о войне, ведь из-за этих суставов я и сейчас часто ложусь в госпитали для ветеранов, чтобы подлечиться. Кости ноют при первых признаках непогоды: дожде, ветре, снеге.

Предали, продали... эти звери - не должны жить!..

В каждой науке есть исключения, в каждой книге - отрицательные герои. Но когда таковые встречаются на войне, это неприятно втройне или даже в тысячу раз.

Иван Васильевич – это мой коллега по работе, тоже из Сиал-Пятины, он 25 лет после войны проработал председателем колхоза до того момента, пока где-то на юге во время отдыха, его не встретил старый знакомый с войны. "Ах, ты ещё жив?! Мерзавец!.." - голос незнакомого мужчины пронёсся по летнему пляжу и люди инстинктивно устремили внимание на кричащего. "Предатель!.." - не унимался он. - "Да как такую мразь земля носит?!" "Теперь я не дам тебе спокойной жизни!!!" и т.д. в подобном духе.

Разобравшись в сути, вы поймёте этого нервного человека. Поймёте и не осудите. Ни для кого не секрет, что делали фашисты с русскими у себя в плену. Об этом много рассказывали и все понимают, какие мучения переносил русский человек, умирал от страшных издевательств над собой и своим телом, стонал и кричал от безумия, но никогда не отказывался от своей Родины. Русский человек погибал смертью самого храброго солдата, гражданина своей Родины. Им и сегодня гордится страна!.. А вот

Иван Васильевич не захотел умирать за Родину. В фашистском плену его сделали «полицаем» (так их называли в народе), а, значит, он присоединился к пыткам красноармейцев. Он убивал и издевался, наряду с гитлеровским зверьём, а сегодня спокойно работает управляющим, начальником!..

После этого случая на юге, по приезду домой, Иван Васильевич повесился в сторожке в колхозном саду, на сунони. Не дождался заслуженного наказания, ведь за ним уже ехала машина милиции. Видимо, тот человек на пляже знал наверняка, что творил, этот народный предатель. И был настроен решительно. А я тогда и не знал, с кем работал. Хотя сам не раз вытаскивал его из петли, а в этот раз - не успел. Я не знал!.. Ведь этот Иван Васильевич был моим коллегой, по работе... он был оборотнем, ... за маской которого не было ничего человеческого.

"На вечную добрую память Наташи..."

Я уже не раз говорил, что мы были слишком молоды, чтобы понимать толк в жизни. С Наташей мы четыре года учились в одном техникуме, дружили... Я ходил к ней на встречу пешком за одиннадцать километров!.. В любую погоду. Началась война и, понятно, что мой военный досуг, свободную минутку, занимали воспоминания о ней. Наша тёплая переписка, её слова, всё

указывало на то, что она меня ждёт. Ждёт, как все женщины ждут. «Долго-долго и верно-верно».... Война настолько затянула своим беспокойным бытом, что я даже предположить не мог, что в наших отношениях с Наташей что-то не так. Был слепо уверен в том, что дома ждёт любимая и всё. А вот, когда я демобилизовался, приехал домой насовсем, впервые за четыре года, был поражён... Я так же, как и раньше, пешком, пришёл, прибежал к ней домой и на пороге застал её мать. Та мне всё рассказала, что, мол, Наташа вышла замуж и всё такое.... Ну, что ж.... А на улице-то ночь....Зима. Не выгонишь же гостя!.. Её мамка положила меня спать почти рядом с ними! С утра, конечно, все были, мягко говоря, удивлены. Наташа даже вскрикнула от неожиданности! Смешная, конечно, ситуация, но что поделаешь?! Не помню, что за слова лились тогда в мою сторону: не то они меня похоронили, пока я не выходил на связь, не то просто уже не надеялись увидеться. Тем более в такой обстановке!.. А я оделся и пошёл домой.

Возвращение...

В сентябре, после приказа Сталина о демобилизации учителей и агрономов для восстановления народного хозяйства, пришло время и мне уходить с фронта. Но, видно, не судьба!.. В

части затерялись мои документы и, соответственно, покинуть Вену вместе со всеми я не смог. Примерно через месяц, когда паспорт, наконец, был восстановлен, уехать, снова не получилось. Командир не отпустил. Посоветовал ехать с другой частью солдат. В то время, 1945 год, военным было опасно ходить по чужому городу в одиночку, незнакомые их подлавливали, избивали и отбирали награды. Поэтому и пришлось остаться до декабря. А в декабре, наконец, домой. Из Вены приехали в Черкассы, там был штаб нашей дивизии. 31 декабря. Мы разгрузились и стали праздновать новый год, первый после пяти лет кошмара!..

Ну, а потом - дом, работа и, пусть не совсем спокойная, но, по крайней мере, мирная, жизнь. Самое дорогое в жизни человека богатство...

Как много их, друзей хороших...

По окончании войны у меня, конечно, остались хорошие друзья, но послевоенный быт не позволял общаться с ними часто, ведь мы были разбросаны по всей стране. Так, однажды, спустя сорок лет, мой боевой товарищ Николай из Кемеровской области, обнаружил случайно запись на обороте военной фотографии: «Сил. Пятина, Фентисов». Когда его дети переклеивали фотографии, увидев эту запись, сообщили об этом отцу.

Николай написал мне письмо, но я уже проживал в другом месте. По тому адресу проживал мой брат Иван, именно он и сохранил письмо от друга и передал мне. После этого Николай приезжал ко мне в гости, это была незабываемая встреча!.. Спустя сорок лет!.. Потом мы долго общались, пока он не умер."

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка I курса Филологического факультета кафедры Современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарёва - Родькина Оксана Николаевна.